

«ВУНДЕРМЕНШ» (WUNDERMENSCH)

К 70-летию Леонида Зорина

Независимая газ. — 1994. — 11 июля. — С. 7.

Михаил Швыдкой

Юбилей

В ДЕТСТВЕ Леонид Зорин жил в Баку и был вундеркиндом. Его литературными сочинениями восхищались мэтры советской литературы, его выдающимся шахматным способностям завидовали маститые шахматисты, и, конечно же, мамы будущих знаменитостей, рожденных в Баку, завидовали его родителям. Его любили юные красавицы южанки. И все они делали это совершенно искренне.

Многоголосая жизнь южного города, его уличная возбужденность и игра, крикливость и ис тома, яркость и игра света предназначены для того, чтобы в нем рождались талантливые люди. Здесь их знают и ими гордятся, им завидуют и их обожают, им поклоняются и ревниво следят за каждым их шагом, когда они перебираются в северные столицы.

Зорин родился в городе, где до недавнего времени не знали национальностей, ибо все они были бакинцами — азербайджанцы и русские, армяне и евреи, немцы и греки... Здесь должны были рождаться драматурги: диалог непохожих друг на друга людей создавал особое единство. Здесь должны

были рождаться комедиографы: уличное остроумие являлось из особого ощущения избыточности жизни, перевоплощающей каждого южанина. Наверное, здесь родилось у писателя особое чувство превосходства бытия над идеологией, быть может, именно здесь он прочел знаменитые слова Гёте: «Жизнь выше идей...»

Бакинец Леонид Зорин стал удивительным москвичом, не просто знающим достопримечательности старой российской столицы, но перерабатывающим каждую подробность ее географии. Его «Покровские ворота» — лирическая поэма о городе и горожанах, чья жизнь все-таки течет от рождения к свадьбе, от зрелости к смерти, а не только от очередного партийного съезда к следующему. Во всех своих сочинениях — драмах, комедиях, романах и коротких рассказах, киносценариях и эстрадных скетчах — он отстаивает эту независимость человеческой жизни от навязываемых схем и идеологических конструкций. Он знает, что страх перед великим законом жизни всегда оборачивается драмой, — об этом он писал и в «Варшавской мелодии», и в «Пропащем сюжете», и в «Царской охоте»... Он остро чувствует ловушки, подстраиваемые историей и социумом: обманывая природу, они попирают нравственный порядок. Эта сентиментальная вера в человека не

покидает драматурга и в его поздних сочинениях, когда радости жизни проверены мудростью опыта. Как все интеллигент XX столетия, Леонид Зорин преклоняется перед героическим жестом: он вырос в эпоху, когда, выбирая свободу, нужно было приготовиться к смерти, — «Декабристы» или «Медная бабушка» разворачивали этот экзистенциалистский сюжет со всей остротой, допущенной в подцензурные 60-е и 70-е годы. Но, похоже, героика для Леонида Зорина состоит не в том, чтобы умереть, а в том, чтобы жить, оградив себя от непомерных притязаний социальной системы. Трудное искусство жизни ему все-таки ближе, чем безыскусность небытия.

Зорин — один из немногих советских сатириков — а запрещение его «Римской комедии» в ленинградском Большом драматическом театре вполне весомый акт признания его дерзости, — который в комедиографии и драматургии ценит не только обличительный пафос, но прежде всего артистизм и доверительность человеческих отношений. Он поэтому и предпочитал размышлять о той сфере бытия, которая даровала возможность рассматривать любовь как высшую доблесть жизни, а сострадание — как ее высшее благо. Именно поэтому его любят в театре: он распространяет вокруг себя атмосферу игры и сердечнос-

ти, он наделяет ими своих героев, которые рождались где-то в пограничье между жизнью и сценой. Драматург точно знает, что верность реальности не высшая доблесть художника — ибо реальность бывает обманчивой, мнимой. Он верит в достоверность театральной игры, писательских фантазий, которые бывают правдивее любого житейского факта. Леонид Зорин доказывал это не раз.

Разумеется, как и у любого писателя, прожившего столь долгую жизнь, у него были неудачи, наверное, даже неведомые мне провалы. Зорина выручала любовь к искусству в себе и любовь себя в искусстве — вполне гармоничное для него единство противоположностей. Он всегда находил вкус в творчестве и потому умеет справляться с житейскими и творческими бедами.

Это чувство не изменило ему, слава Богу, и поныне. Две последние премьеры в московском Театре имени М.Н. Ермоловой — «Пропаший сюжет» и «Союз одиноких сердец», в которых Владимир Андреев не просто подтвердил класс актерского мастерства, но словно обрел второе дыхание, — лишь еще одно доказательство замечательного дара Леонида Зорина.

Вот такая история: «вундеркинд» из Баку переехал в Москву и стал «вундерменшем». Тут уж ни убавить и ни прибавить.